

СВЕРЖЕНИЕ ИКОНЫ

Великий Гельфанд, богатый добытчик денег для ленинской революции, исчезает тихо, одиноко, избегаемый всеми в историческом забвении. Незадолго до его конца чуть не случился еще раз большой шум, когда два офицера бывшей кайзеровской армии по поручению тайной организации морского офицера капитан-лейтенанта Эрхардта едва не взорвали «ноябрьского изменника», нажившегося на войне, «соци» д-ра Гельфанда при помощи ручной гранаты вместе с его домом на полуострове Шваненвердер у Ванзее под Берлином, в элитарной резиденции денёжных и дворянских тузов, со всеми актами и подозрительными денежными бумагами.

Но план становится известным, убийство отменяется. Германо-национальным участникам покушения и не нужно было вовсе усердствовать, ведь объект их ликвидации уже в скором времени умрет в социальном, политическом и психическом смысле. Гельфанд вскоре окажется на своей вилле в сумеречном состоянии. Когда он осознает, что и в физическом отношении дело идет к концу, он уничтожит последние имеющиеся подтверждения своей революционной и денежно-махинаторской деятельности. Он будет незаметно похоронен на кладбище в Вильмерсдорфе в декабре 1924 г. — в год смерти Ленина. Трагический конец общеизвестной фигуры «германо-большевистского заговора» времен Первой мировой войны.

Когда-то начатая большим «крупье» Александром Гельфандом игра в русскую рулетку окажется бесконечной, она еще долго будет продолжаться и после смерти Ленина и его собственной. Смертоносная пуля остается в барабане револьвера, который передается из рук в руки. Прибыль или проигрыш — выживание или смерть. Бесконечная история особых германо-российских отношений — вплоть до современности.

Если успешная Октябрьская революция 1917 года в России в равной мере оказывается для большевиков и для немцев выигрышной игрой, то следующий затем раунд с Ноябрьской революцией 1918 г. в Германии, со свержением германской кай-

зеровской империи однозначно остается за русскими, энергично поддерживающими немецких революционеров. В том числе и деньгами, которые еще недавно текли из Германии к большевикам.

Немцам даже приходится наблюдать, как их деньгами в декабре 1917 г. создается и финансируется ЧК и как Ленин и Троцкий в январе 1918 г. выделяют 20 миллионов рублей из большого денежного котла на создание и развитие Красной Армии.

Вечное плюс-минус в игре с выигрышами и убытками немцев и большевиков особенно наглядно иллюстрирует потери как той, так и другой стороны в конкретных ситуациях. В феврале 1918 г. Троцкий отказывается в Брест-Литовске подписать договор, в котором немцы усматривают частичную реализацию своей стратегии в отношении периферийных государств и по которому откалывают прибалтийские страны от основной части России. Всего год спустя, в 1919 г., Брокдорф-Ранцау, представитель немцев, отказывается подписать представленный ему «позорный мир», Версальский договор, продиктованный победителями — державами Антанты. На этот раз в роли проигравших приходится выступать немцам. Теперь с них даже «очищают», подобно апельсиновым коркам, их собственные периферийные территории — Эльзас-Лотарингию, Саарскую область, Западную Пруссию, части Померании и Верхней Силезии.

Уже в 1921 г., всего через два года после Версальского договора, возложившего на немцев решающие санкции, направленные против нового вооружения, берет свое начало новый германо-российский пакт, на сей раз в чисто военной сфере. Вновь при временном совпадении исторических интересов: Красная Армия и рейхсвер Веймарской республики совместно развиваются на территории Советского Союза системы вооружений, запрещенные Германии западными державами, — танки и самолеты. И опять приходится выделять крупные суммы германских денег из секретного фонда «R». В российских городах Казани и Липецке возникают заводы по производству танков и самолетов, совместно организуется тайная подготовка войск для Красной Армии и рейхсвера. Германские офицеры преподают и учатся в российских военных академиях и других учебных заведе-

ниях, а российские офицеры инкогнито посещают германские военные институты. Целевой союз внезапно прекращается лишь из-за политики Гитлера с 1933 г.

За это десятилетнее сотрудничество должны будут поплатиться жизнями многие высшие полководцы, командиры и комиссары Красной Армии. В ходе исторически беспрецедентной акции Сталин обезглавливает свою собственную Красную Армию, созданную Троцким: из пяти маршалов Советского Союза Сталин велит убить трех, из 15 командармов — 13, из 85 комкоров — 62, из 406 комбригов — 220, из 6000 старших офицеров — 1500!

Даже самый правоверный и верящий Сталину коммунист не может допустить, что все ликвидированные были немецкими агентами. Поэтому Сталин велит выдвинуть несколько более общее обоснование: в ходе массовых убийств массы попросту объявляются «врагами народа»! — Сталин обезглавливает свой собственный народ.

Уже вскоре после сталинских массовых убийств развивается новое «единство интересов», на сей раз между стратегией восточных территорий гитлеровской экспансионистской политики и аналогичным устремлением Сталина: речь идет об «апельсиновой корке» — Польше, старой «периферийной территории» России, которую теперь, в 1939 г., после заключения политически извращенного пакта Гитлера и Сталина, обе стороны предоставляют друг другу для при- и воссоединения. Гитлеровская армия наступает с запада, сталинская армия — с востока. Они встречаются в Бресте и маркируют новую границу между гитлеровской Германией и сталинской Россией. Польша практически больше не существует, германский Вермахт и Красная Армия держат ее под оккупацией.

В утаенных Гитлером и Сталиным дополнительных соглашениях Гитлер вновь «предоставляет» великорусским державным устремлениям Сталина бывшие «периферийные государства» Прибалтики, отделенные по Брест-Литовскому договору от основной части России.

После нападения Гитлера на Советский Союз германский Вермахт, в свою очередь, оккупирует страны Прибалтики. Но

лишь на краткий срок, затем он изгоняется из бывших «периферийных государств» Красной Армией, а с 1945 г. Прибалтика опять, как в царские времена, принадлежит к великорусской территории, на сей раз – к Советскому Союзу.

Большая игра в рулетку вступает в новый раунд лишь с распадом Советского Союза в начале 90-х гг. «Апельсиновые корки» – прибалтийские республики хотят вновь получить свою политическую независимость. А немецкое послевоенное государство Федеративная Республика Германия выражает свое согласие. К концу столетия бесконечная игра, которая началась с ленинской революции и финансировалась германскими деньгами, кажется, наконец-то завершилась. Кто и когда в ней выиграл? И кто проиграл?

Ленин, собравшись в первую годовщину Октябрьской революции со своими товарищами на Красной площади и торжественно открывая на Кремлевской стене скромную икону со своего рода богиней свободы и сияющим солнцем, не может себе представить, какую пышную революционную панораму вскоре наворожит его преемник Сталин. Сталин велит убрать богиню свободы, которую можно увидеть и на всех социал-демократических плакатах и под которой хотят объединиться все «братья, к солнцу, к свободе» (в русском варианте – «смело, товарищи, в ногу»), поместив на ее месте в качестве новой иконы ленинский портрет. Ленин водружается на революционный олимп в роли бога-отца, чтобы он, Сталин, мог выступать в качестве наместника бога на земле. Не пытается ли Сталин подражать мудрому Соломону, который стремился представить как незапятнанный святой лик своего отца, царя Давида?

Ленин никогда не считал себя революционным святым. Он был скорее неутомимо-одержимым творцом революции, гонимым фантастической идеей улучшения мира. Революционером будней, использующим каждую возможность, полезную для своего дела. Для Ленина не существовало оснований, которые запретили бы ему принимать германские деньги из моральных соображений. И не существует ничего, что побудило бы боль-

шевиков испытывать в связи с этим хотя бы малейшее чувство морального долга перед кайзеровской Германией.

Напротив, непредвзятый историк может спросить, не должны ли были по тем же причинам покраснеть кайзеровские стратеги, делавшие общее дело с радикалами-большевиками?

Бескомпромиссную ленинскую готовность к компромиссам в подобного рода исторической ситуации его швейцарский биограф Эмиль Людвиг с почти криминалистической наблюдательностью представляет в виде схожего портрета с объявления о розыске преступника:

«Как бесстрастный калькулятор он готов к каждому компромиссу, который требуется от него в данный момент, и остается неуязвимым для любого возражения идеологов. «Принципиально отвергать компромиссы, — пишет он, — это ребячество. [...] Нужно только уметь анализировать обстоятельства и конкретные условия каждого компромисса», а его друг Луначарский мог по праву назвать этого человека, которого Европа представляет себе ослепленным, «гениальным оппортунистом». [...]»

Это человек без парализующих страстей, которого поэтому окрыляет единственная страсть — идея своей миссии. [...] Когда он в своем голом рабочем кабинете в Кремле, который оживляет лишь пара географических карт, сидит напротив посетителя, этот коренастый человек с покрытым веснушками, несколько сладострастным лицом, и прищуривает один из этих косых татарских глаз, за которыми скрываются ирония и воинственность, тогда другой глаз кажется еще более зорким, и чем меньше он важничает, чем больше слушает и учится вместе того, чтобы говорить, тем более уверенно он приобретает власть над другим. В беседе он всегда будет более неутомимым, со своим никогда не сдающим здоровьем, со своей способностью приказывать себе не спать, со своей широкой улыбкой».

Жаль только, что Ленин после революции как улыбающийся победитель не описал и не оставил после себя хотя бы полезный и нужный результат своей хитрости — отнятие у кайзеровских стратегов миллионов для своей революции. Или другие игроки в русскую рулетку, игравшие на его стороне. Куда подевались они?

Александр Шляпников, самый предприимчивый ленинский курьер между Стокгольмом и Петроградом, мог бы, как и его шеф, детально рассказать о финансовой поддержке со стороны немцев в своей обширной революционной истории событий революционного 1917 года. Stalin позднее велел, чтобы целяпниковская многотомная хроника времен революции исчезла, была изъята из всех библиотек, чтобы все литературные ссылки на нее были устраниены и доверенное лицо Ленина в 1933 г. было исключено из ВКП(б). Затем он повелевает, чтобы человек Александр Шляпников исчез в преисподней ГУЛАГа и все следы его существования были стерты. Обширную корреспонденцию между Лениным и Шляпниковым Stalin также замалчивает при чистописании своего варианта истории революции. Нынешние исследования позволяют высказать лишь неопределенные предположения, согласно которым ленинский соратник Шляпников «погиб» после 1937 г.

Ганецкий-Фюрстенберг – при Ленине заместитель управляющего Государственного банка – в 1935 г. по указанию Сталина перемещается из среднего звена партийных руководителей, где он играл роль эксперта по финансам, на пост директора Музея революции. 18 июля того же года Stalin велит арестовать его вместе с женой и сыном. Ганецкого не удалось принудить под пытками ни к какому обычному в таких случаях «признанию». Ему запрещают ссылаться на ленинские указания, связанные с финансированием революции, германские деньги не должны упоминаться ни в каких протоколах допросов. Stalin хочет раз и навсегда устранить Ганецкого как неудобного свидетеля сотрудничества с Лениным, как свидетеля всех подробностей финансирования революции, и через своих пособников, после краткой, ровно 15-минутной обвинительной речи, безо всякого процесса 26 марта 1937 г. он велит приговорить его к смерти как «шпиона и троцкиста» и в тот же день расстрелять. Как и при всех этих убийствах, Сталина предварительно запрашивают о приговоре, который и для этого верного ленинца звучит кратко: «Ликвидировать».

По указанию Сталина устраняются и все другие свидетели денежных трансфертов. Мечислав Козловский – при Ленине как опытный юрист на ответственном посту в аппарате юсти-